

Как возможна популярная философия?

Н.А. Касавина

Предлагается размышление о популяризации философии, а шире, науки, связанное с содержанием новой научно-популярной книги А.Л. Никифорова «Философия для любознательных». Основными философскими проблемами, получившими освещение в книге, являются: философия, ее особенности и категории, типы мировоззрения, теория аргументации, бытие и познание, человек и общество, смысл жизни, смерть и бессмертие. Представленный текст А.Л. Никифорова является выражением оригинальной авторской философской позиции, изложенной доступным языком для широкого круга читателей, призывает к размышлению над важнейшими вопросами человеческого бытия. Особую роль популярной философии можно мыслить как поддержание интеллектуального публичного пространства – пространства общества, способствующего личностному развитию, самостоятельному мышлению, ведению диалога и ответственности человека за свои решения. В этой связи популяризация науки и философии как ее части выполняет важную культуuroобразующую и культуросозидающую функцию, способствуя поднятию общего уровня образования населения, созданию условий для самореализации творческого потенциала личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научная коммуникация, популяризация философии, популяризация науки, научно-популярное издание, мировоззрение, социальное государство.

КАСАВИНА Надежда Александровна – Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

kasavina.na@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17 января 2019 г.

Цитирование: *Касавина Н.А.* О роли популяризации в науке и философии // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 187–198.

Вышедшая в конце 2018 года книга известного отечественного философа А.Л. Никифорова «Философия для любознательных» явилась для меня источником размышлений об актуальной проблеме популяризации науки в современном мире, а также о формах и особенностях популяризации философии.

Вопросы взаимодействия науки и общества, становления научного знания в публичной среде получают сегодня все большее освещение в исследованиях и публикациях, поскольку мы имеем дело с эпохой всеобщего информационного проникновения и коммуникации. В Европе с середины 1990-х гг. сложился целый блок направлений гуманитарных исследований в сфере взаимодействия науки и общества (ярким примером является Society study for the social study of science, или 4S). Интеграция науки и социального пространства сопровождается развитием популярной науки, продвижением научных идей в массовой культуре, что является важным, хотя и противоречивым элементом научной коммуникации.

Выраженный интерес к указанной проблематике способствовал формированию новой научной дисциплины — научной коммуникации, которая направлена на осмысление процесса движения научных идей от учёного через научное сообщество в массовое сознание [Bucchi 2008; Медведева 2017]. Вместе с тем, в научно-исследовательской литературе имеет место констатация недостаточно активного проникновения научной картины мира в область массового сознания, ограниченности традиционных средств коммуникации науки и общества в образовании.

Отношения ученых и публики некоторыми исследователями описываются с помощью метафоры разрыва (gap, divide) [Mead 1959: 139; Callon 1999: 82; Астахова 2013], осознание которого время от времени способствует возникновению ряда общественных инициатив, предусматривающих интеграцию науки в общество. В качестве примера можно привести движение «Научная грамотность», начавшееся с проекта «Наука для всех американцев» в 1985 г., сходного проекта «Общественное понимание науки» в Великобритании, деятельности общества «Знание» в СССР. Их целью являлось распространение научных знаний как важнейшего фактора культурного роста населения. В частности, история общества «Знание» показывает, что эта миссия во многом была выполнена. Был поднят престиж профессий, связанных с исследовательской работой, повысилось число поступающих в вузы, особенно на технические специальности. К началу 1970-х гг. общество «Знание» использовало разнообразные формы работы с населением: публичные лекции, научные доклады и конференции, семинары, тематические вечера, устные журналы, народные чтения, творческие отчёты учёных в производственных коллективах, беседы, научные консультации, участие в пропаганде знаний по радио и телевидению, в создании научных и научно-популярных фильмов. Иное дело, что популяризация науки как совокупность процессов, направленных на доступное распространение научной информации, в советское время была идеологически окрашена и во многом направлена на поддержание идеи об активном движении страны к лучшему общественному устройству.

С течением времени, под влиянием общественных трансформаций многие формы прямой деятельности по популяризации науки были свернуты. Отдельным фактором этого процесса является формирование электронной культуры с открытием доступа человека к разнообразной информации. Однако и в современном обществе существуют различные формы и поощрения участия ученых в сфере публичности: премии РАН в области популяризации науки, гранты на издание научно-популярной литературы, освещение деятельности ученых в СМИ, проведение открытых научно-популярных лекций ученых, различные научные акции для школьников. Организуются образовательные программы и мероприятия в научных музеях, фестивали науки. Все эти формы работы направлены на повышение общественного интереса к работе исследователей, развитие активной жизненной позиции и вовлеченности молодежи в исследовательский процесс. Научное сообщество демонстрирует готовность обсуждать проекты по популяризации отечественной науки со структурами государственного управления и бизнеса, занимается представлением науки в социальных сетях.

Появляются различные институциональные проекты, включающие обращение ученых к публике. Так, в области философии развивается направление «Философия в публичном пространстве», инициированное Институтом философии РАН. Все чаще философы работают на различных публичных площадках, оставаясь при этом в рамках профессионального дискурса. В качестве примеров популяризации философии можно назвать проекты: «Анатомия философии: как работает текст», «Реплики», организованные Институтом философии РАН в сотрудничестве с библиотекой им. Ф.М. Достоевского (руководитель Ю.В. Синеокая); «Философия в литературе. Литература в философии» в Литературном музее им. Л.Н. Толстого (руководители Н.А. Касавина и Ю.В. Прокопчук). Следует отметить, что выход ученых за пределы профессионального сообщества предусматривает вовлечение лиц, которые, возможно, впоследствии сами станут учёными (учащиеся), либо будут способствовать развитию науки (государство и бизнес).

Конкурсы научно-популярных книг, по итогам одного из которых вышла книга А.Л. Никифорова, безусловно, являются значимой частью общего процесса культурного

и образовательного включения населения. Уместно вспомнить, что в 60-70-е гг. XX в. в нашей стране активно издавались научно-популярные книги по физике, математике, биологии, которые давали достаточно простое и ясное представление о научной дисциплине, ее важнейших достижениях и проблемах. Статьи в научных журналах, научные монографии и даже учебники есть часть специализированной культуры и часто сложны для понимания человека, который работает в областях, далеких от той или иной конкретной дисциплины, но хотел бы иметь о ней какое-то представление. Этой цели и служили научно-популярные издания, которые готовились высококлассными специалистами для широкого круга читателей. К сожалению, в последние десятилетия такого рода работы стали редкостью. Можно констатировать и спад интереса к научно-популярной периодике в России, по крайней мере, если судить по ее тиражам. Сегодня тиражи научно-популярных периодических изданий снизились на несколько порядков по сравнению с концом 1980-х гг. Удивителен факт, что после Первой мировой и гражданской войн в России издание научно-популярной литературы составляло более трети (36%) всей книжной продукции [Ваганов, 2016]. Возможно, способ популяризации науки через печатные издания уступает сегодня другим ее формам, подчиняясь общему процессу цифровизации и распространению различных каналов коммуникации «лицом к лицу».

Что касается философии, то формы ее популяризации имеют некоторые особенности при сравнении с наукой. В уже далекое советское время, когда марксизм провозглашали наукой о наиболее общих законах природы, общества и мышления, существовала единая схема учебника по философии для высшего образования. Студент любого вуза, прослушавший курс философии или слушатель публичных лекций в школах марксизма-ленинизма получали представление о диалектическом и историческом материализме и их основных категориях. И в этом отношении учебные пособия по философии были аналогичны учебникам по научным дисциплинам. В отечественной философии того времени существовала общепризнанная «парадигма».

Сегодня единая структура учебников по философии и единая трактовка ключевых философских проблем невозможны. В этом положении теоретической и концептуальной множественности находится, пожалуй, не только философия, но и гуманитарное знание в целом. В этой связи велика роль самоопределения человека, получающего образование, или любого читателя по отношению к массиву предлагаемых философских интерпретаций. И здесь научно-популярные книги, претендующие на освещение основных философских проблем, выполняют ориентирующую функцию. В философии таких работ не так много, и книга А.Л. Никифорова восполняет эту лауну в области популяризации науки через печатное научно-популярное издание, претендующее на охват основного корпуса философских проблем. Обращаясь к терминологии Л. Флека, это и есть создание зоны обмена для «широких» специалистов, для «науки учебника» как фундаментального и разностороннего труда, который вносит вклад в обеспечение общей рамки для теоретических дискуссий [Флек 1999: 136].

Научно-популярное издание призвано доступно рассказывать читателю о научных фактах и явлениях, способствовать его стремлению к саморазвитию. В этом случае просветительская составляющая научной деятельности встает на первый план по отношению к ее собственно исследовательской части. Популяризаторы науки используют различные способы, чтобы заинтересовать аудиторию не просто упрощая содержание, но меняя ракурс и форму подачи материала, делая ее художественной, увлекательной.

В книге А.Л. Никифорова предпринята смелая попытка доступно и интересно рассказать интересующемуся читателю о том, что такое философия, какие проблемы она пытается решать, почему знакомство с ней не только полезно, но в наше время даже необходимо каждому человеку [Никифоров 2018].

Во вводной главе автор размышляет о природе философии. Действительно, это традиционно важный для философии вопрос, ибо философы всегда пытались понять, чем же они занимаются. Философию автор считает высшим типом теоретического мировоззрения, который выражает критическую установку по отношению к любым

убеждениям и заменяет чувственные образы мифа понятиями, а ассоциативные связи — логическими. Таким образом, в книге показано, что мировоззренческие проблемы, над которыми размышляют философы, вплетены в ткань повседневной жизни и с ними сталкивается каждый человек.

Следует заметить, что такое понимание философии не является общепризнанным. Сейчас широкой популярностью пользуется точка зрения, согласно которой философия является деятельностью по прояснению и уточнению языка, совершенствованию аналитической техники мышления, а все так называемые «проблемы» философии возникают вследствие неправильного употребления слов.

Определив философию как разновидность мировоззрения и теорию мировоззрения, автор ставит вопрос: является ли философия наукой, дает ли она знание? И на этот вопрос автор дает отрицательный ответ: нет, философия не является наукой, она выражает лишь мнение отдельного мыслителя или философской школы о мире и о человеке. Поэтому к философским утверждениям и концепциям понятие истины неприменимо. Эта позиция также разделяется далеко не всеми философами.

Говоря о важнейших философских проблемах и областях философского исследования, автор исходит из фундаментального противопоставления «Я» и «не-Я». Для человека, осознавшего себя автономным существом, мир раскалывается на две части: «Я» и все остальное — родители, окружающая среда, друзья, знакомые и незнакомые. Это противопоставление и порождает важнейшие философские проблемы. Во-первых, это вопрос о том, что собой представляет окружающий меня мир. Автор и общество склонен рассматривать как часть «не-Я», поэтому говорит о «социальной онтологии», пытающейся понять, что такое человеческое общество, что скрепляет его в некоторую целостность, в каких отношениях находится отдельный человек к обществу.

Второй важнейший вопрос философии — что есть «Я», т.е. что такое человек. Наконец, третья важнейшая проблема философии относится к отношениям между «Я» и «не-Я»: может ли человек узнать, каков окружающий мир? Какие у него есть средства для этого? Что такое истина?

К этим трем важнейшим областям философского исследования А.Л. Никифоров добавляет еще историю философии. Мировоззренческие проблемы, в сущности, остаются одними и теми же на протяжении тысячелетий, мыслители разных эпох давали на них различные ответы, и если сейчас мы размышляем над ними, то полезно знать, какие ответы на них давали философы предшествующих эпох. Эта классификация основных философских проблем и областей исследования, по-видимому, схватывает основное содержание философии, но в современной философии уже многое выходит за рамки этой схемы.

В этой же главе автор рассматривает весьма интересную и ныне актуальную проблему: можно ли мыслить существование мировой философии и мировом философском сообществе в том же смысле, в котором мы мыслим существование мировой науки? Если говорить о естественных науках, то сообщество ученых объединяется благодаря единому — математическому — языку, международной системе единиц измерения, наличием общепризнанных проблем, теорий, законов, методов исследования и требований к полученным результатам. Ничего этого в философии, по мнению автора, нет. Нет общепризнанных проблем и концепций. Проблемы, над решением которых работают представители одного философского направления, представителям других философских школ могут казаться тривиальными или даже бессмысленными. Но самое главное, что разделяет философов разных стран и народов — это отсутствие единого языка. Философ не может представить свое решение какой-то философской проблемы в виде общепонятной математической формулы, он использует родной национальный язык и языковой барьер создает почти непреодолимое препятствие для обмена полученными решениями и их критического обсуждения. Существует только национальная философия. Это утверждение автора способно вызвать сомнения. Мы же говорим, например, о мировой художественной литературе. Скажем, М. Сервантес, У. Шекспир, И.В. Гете, Л.Н. Толстой вошли в культуру многих народов, говорящих на разных языках. Может быть, в этом же смысле можно говорить и о мировой философии, включающей в

себя произведения Платона и Аристотеля, Декарта и Лейбница, Бэкона и Юма, Канта и Гегеля? И если вплоть до XIX в. взаимопонимание философов всех стран обеспечивалось благодаря латыни, то сегодня на роль универсального коммуникатора успешно претендует английский язык.

В конце этой обширной главы автор старается убедить читателя в том, что знакомство с философией необходимо современному человеку. Образование стремительно специализируется, контакты человека с природой, даже с другими людьми резко сокращаются, на сознание человека все в большей степени влияют средства массовой информации. Все более укрепляются потребительские ценности и цели. Знакомство с философией как важнейшей частью духовной культуры, полагает автор, способно заставить человека задуматься над смыслом и ценностями своего существования, содействует формированию свободной ответственной личности. Здесь с ним вполне можно согласиться, и это видение значения философии для каждого человека как нельзя лучше согласуется с представлениями о культурном значении ее распространения в массовом сознании и популяризации философского знания, чему и посвящена главным образом эта книга.

Прежде чем перейти к рассказу о собственно философских проблемах и сферах исследования, автор знакомит читателя с основами теории аргументации. Действительно, взаимная критика, дискуссия, спор являются едва ли не единственным способом развития, уточнения, исправления философских идей и концепций. Основой аргументации являются доказательство и опровержение. В книге излагаются структура доказательства, требования, которым должно удовлетворять корректное доказательство, с возможными ошибками. Затем дается общее представление о том, что собой представляют дискуссия. Рассматриваются многочисленные разновидности споров – во имя истины, для достижения компромисса, для убеждения и т.п. Говорится об условиях, при соблюдении которых спор остается в рамках интеллектуального состязания, перечисляются допустимые приемы спора. К ним автор добавляет многочисленные недопустимые, софистические приемы и аргументы, использование которых превращает спор из интеллектуального состязания в бессмысленную перебранку и взаимные оскорбления. Эти главы написаны легко, с юмором и забавными примерами из художественной литературы. Чувствуется, что автор улыбается вместе с читателем.

Завершая рассказ о теории аргументации, автор отдельную главу посвящает рассмотрению того, каким образом оценочные понятия используются политическими деятелями и средствами массовой информации для создания определенной идеологизированной картины тех или иных событий и фактов общественной жизни. Действительно, фразы «Опытный политик заключил соглашение с предводителем повстанцев» и «Матерый политикан вступил в сговор с предводителем бандитской шайки» говорят об одном и том же событии, но внушают слушателям или читателям диаметрально противоположные к нему отношения. Знакомство с основами теории аргументации и ролью оценочных понятий, безусловно, полезно каждому человеку для того, чтобы критически оценить потоки разнообразной информации и не быть жертвой демагогии и софистики.

Разговор о философии автор начинает с изложения проблем онтологии и теории познания, ибо считает эти области фундаментом философии, ее ядром. Он говорит о понятии субстанции, о материализме, идеализме, дуализме. При этом читателю не навязывается какая-то определенная позиция, а ему предлагается подумать и либо принять идеи какого-то определенного философского направления, либо найти некую собственную позицию. Затем речь идет о проблемах, возникающих при попытках понять, что такое пространство, время, движение, причинность и т.д. Все эти вещи кажутся простыми и ясными для обывательского сознания, но философское размышление открывает в них восхитительную сложность. Скажем, писатели-фантасты часто пишут о путешествиях во времени. Но что это значит и возможно ли это? Например, если возможно перенестись в мир будущего, значит, ряд событий, уходящий в будущее, уже как-то существует. Следовательно, будущее предопределено, и мы своими действиями в настоящем никак не можем повлиять на него. Не абсурдно ли это?

Сегодня разговоры о метафизике, о материализме и идеализме кажутся некоторым анахронизмом. К концу XIX в. философские размышления о бытии сменились картиной мира, создаваемой наукой. Наука раскрыла человеку строение космоса, структуру вещества, тайну электромагнитных полей, эволюцию живой природы и т.п. Философия мало что может к этому добавить. Поэтому философские рассуждения о мире постепенно были заменены так называемыми «философскими вопросами естествознания». В XX в. бледную тень великих метафизических систем прошлого создали, пожалуй, только А. Бергсон с его «творческой эволюцией» и «жизненным порывом», ранний Л. Витгенштейн, в своем «Трактате» сделавший мир зеркальным отображением языка математической логики, А. Уайтхед в своем труде «Процесс и реальность». Философы второй половины XX в. мало занимались проблемами метафизики. Однако сегодня мы наблюдаем «метафизический», или «онтологический поворот» в наиболее наукообразной версии современной философии — аналитической. В философии эпитет «устаревший», таким образом, часто заменяется на противоположный.

Далее автор переходит к изложению основных понятий и проблем теории познания, говоря о познавательных способностях человека, об эмпиризме и рационализме, о первичных и вторичных качествах, об агностицизме и скептицизме. Он подробно останавливается на вопросе, до сих пор вызывающем острые дискуссии, а именно — что такое знание? Известное определение знания как обоснованного истинного мнения или убеждения сталкивается с определенными затруднениями, которые живо обсуждаются в современной философской литературе. Не меньше споров среди современных философов вызывает и понятие истины. Многие мыслители вообще отказываются от употребления терминов «истинно» и «ложно». Автор защищает классическое истолкование этого понятия: истинна та мысль, которая соответствует своему предмету. В то же время он подробно рассматривает затруднения, с которыми сталкивается такое понимание истины. До сих пор неясно, что значит выражение «соответствие» мысли действительности. До сих пор нет общепризнанных критериев, позволяющих отличить истину от заблуждения. И серьезные трудности вызывает применение классического понятия истины к оценке истории человеческого познания: с точки зрения современных признаваемых истинными теорий, практически все теории и концепции прошлого приходится считать ложными. Но тогда встает вопрос: как цепь заблуждений могла привести к современным истинам?

Традиционный разговор о понятиях и проблемах теории познания, конечно, полезен и нужен, но сейчас он в значительной мере принадлежит прошлому. Наука стала в XX в. концентрированным выражением познавательной человеческой деятельности. Понятия и проблемы традиционной теории познания ныне вплетены в анализ научного познания, его теорий и методов. Поэтому главу о теории познания следовало бы дополнить главой о философии науки и рассказать читателю о структуре научной теории, о научном объяснении и предсказании, о важнейших методах научного познания, о соотношении теории с фактами и т.п. Именно на материале современных теорий и истории науки рассматриваются ныне традиционные проблемы и понятия философской теории познания.

Когда речь идет об онтологии и теории познания, то здесь используемые понятия и принципы имеют достаточно определенное содержание, проблемы и расхождения в их решении могут быть точно сформулированы. Эта ясность, как показывает автор, в значительной мере исчезает, когда мы пытаемся говорить об обществе и человеке. Что такое общество? Что способствует его целостности, обеспечивает его воспроизводимость и устойчивость? Здесь не только огромное количество ответов, но и сами ответы порой весьма невразумительны и трудны для понимания. В частности, в книге говорится о том, что одно из самых интересных на сегодняшний день понятий — понятие нации — вызывает споры и целый спектр истолкований. Одни авторы вообще предлагают отказаться от употребления этого понятия и говорить только о гражданстве той или иной страны. Другие склонны отождествлять нацию и этнос. Третьи говорят об особом национальном характере и его выражении в идеологии. А.Л. Никифоров и здесь, как и во многих других случаях, высказывает собственную точку

зрения и полагает, что самоидентичность нации обеспечивается наличием национального языка, спецификой национальной культуры в самом широком смысле этого слова и национальной исторической памятью о своем происхождении и важнейших событиях прошлого.

Здесь же автор рассказывает читателю об актуальных сегодня проблемах: о семье и браке, об основных видах человеческой деятельности, о собственности, о власти и государстве. Он останавливается на понятии общественного прогресса и показывает, что оно носит оценочный характер: мы оцениваем как прогресс движение к тому, что считаем лучшим. Но разные люди могут считать лучшим разное, поэтому их оценки тех или иных сторон общественного развития могут принципиально расходиться.

Переходя к вопросу о том, что собой представляет человеческая личность, А.Л. Никифоров вновь отмечает, что нет каких-то общепризнанных ответов на этот вопрос, и рассказывает о философских и психологических теориях личности. По крайней мере, ясно одно: личность проявляется в деятельности, поэтому автор особое внимание обращает на анализ деятельности. Он называет деятельностью целенаправленную активность человека. Деятельность человека служит средством как преобразования окружающего мира, так и самовыражения личности, ибо только в деятельности человек может выразить особенности своего ума, характера, свои идеалы и ценности. Но при этом деятельность должна быть свободной, вынужденная активность ничего не говорит о том, кто ее осуществляет. Свобода человека начинается с возможности выбора. Выбирая цели деятельности и средства ее достижения, человек проявляет в этом выборе какие-то черты своей личности. Однако, высшая ступень свободы — это возможность творчества, когда человек не выбирает из того, что ему предлагают общество или природа, а ставит собственные цели и создает средства их достижения. Свободное творчество — это самовыражение, самопроявление личности, можно сказать, что это сама жизнь личности. Свободное творчество невозможно без личности, но и личность существует и реализуется только в свободном творчестве, поэтому, полагает автор, эти понятия в значительной мере являются синонимами.

В книге можно найти ответы на следующие вопросы: Что такое человеческое сознание? Как оно связано с телом? Может ли сознание быть оторвано от мозга и существовать на другой основе? Все эти вопросы концентрируются вокруг так называемой «*mind-body problem*», центральной проблеме философии сознания.

Завершая свой разговор о человеке, автор особую главу посвящает рассмотрению вопроса о смысле жизни человека, размышляя над ним в аналитическом духе. Он начинает с понятия деятельности и вводит понятие смысла деятельности: субъективным смыслом деятельности является мотив, цель, намерение, короче говоря, *интенция* действующего субъекта. Отдельные интенциональные действия могут объединяться в более сложную деятельность, интенция которой налагается на включенные в нее действия и придает им более глубокий смысл. Затем из активности человека на протяжении всей его жизни он выделяет интенциональные действия и получает, таким образом, «деятельностный» скелет жизни — то, что в течение жизни совершил субъект, руководствуясь какими-то целями. Так автор приходит к своему определению понятия «смысл жизни»: индивидуальным смыслом жизни можно назвать долговременную интенцию (цель, стремление, страсть), объединяющую все виды его деятельности на протяжении длительных периодов времени. Наряду с субъективным смыслом жизни автор выделяет объективный и социальный смыслы жизни индивида. Жизнь человека может быть лишена субъективного смысла, но у нее всегда есть объективный и социальный смысл.

Вопрос о том, в чем видят смысл своей жизни, скажем, наши современники, автор считает *эмпирическим*: социолог должен провести исследование и сказать нам, к чему сегодня стремятся люди, достижению каких целей они посвящают свою жизнь. Философ же пытается ответить на *теоретический* вопрос о том, не в чем видят, а в чем *должны* видеть люди цель своего существования, к чему они должны стремиться. Русские религиозные мыслители говорили о должном, о том же говорили и советские философы. И тех и других эмпирическая реальность интересовала в меньшей степени. А.Л. Никифоров

приблизительным образом разделяет реальные потребительские и творческие смысловые интенции и заявляет, что человек должен стремиться реализовать себя в творческом самовыражении. Однако творчество, как известно, бывает разным: художник, изобретатель в своем творчестве выражают особенности своей личности; мошенник, придумывающий новые способы обмана, тоже творец. В чем найти точку опоры, встав на которую можно было бы отделить творчество, служащее добру, от творчества, служащего злу? Автор строит головокружительную метафизическую концепцию, из которой следует: живи так, чтобы интенция твоей жизни служила сохранению и преумножению жизни и разума. Это достаточно тривиально, но, как справедливо отмечено в книге, глубокие истины часто выглядят тривиальными.

В последней главе книги читатель получает неожиданный подарок. Эта глава представляет собой диалог о смерти и бессмертии человека. Диалог написан в непринужденной манере беседы нескольких философов о смерти, о возможности «жизни после смерти», о том, что значит бессмертие. В центре беседы находится Сократ и сам диалог построен в манере диалогов Платона, хотя в античные одежды облачены наши современники. Действительно, именно форма непринужденной дружеской беседы, когда собеседники высказывают разные точки зрения по рассматриваемому вопросу, подвергают их критическому обсуждению, уточняют используемые понятия, в наглядной форме представляет жизнь и развитие философии. В конце концов, каждый философ, пытаясь представить свое решение какой-то философской проблемы, вступает в диалог со своими предшественниками и современниками, критикует известные решения и старается обосновать свое решение избранной проблемы. Поэтому форма, которую придал многим своим сочинениям Платон, до сих пор может служить образцовым примером для написания философских сочинений. Жаль, что автор лишь одну главу своей книги написал в форме диалога.

Книга А.Л. Никифорова в чем-то опровергает привычные черты научно-популярного текста, в частности, отсутствие деталей, спорных мнений, кажущаяся однозначность, устранение вероятностного характера научного знания, что, по Л. Флеку, выступает чертами популярной науки. Дискуссионный характер изложения, избранный А.Л. Никифоровым, обеспечивает не просто передачу некоторого массива знаний или информации читателю, но подразумевает более сложный процесс нахождения общего языка между автором и читателем, а шире, между философским и публичным сообществом. В широком смысле, это поиск баланса, взаимодействия и понимания между общественным сознанием, наполненным собственными смыслами и убеждениями, которые определяют восприятие людьми научных фактов, и собственно научным мышлением.

Работа написана, в основном, живым, доступным языком. Автор как бы беседует с читателем, побуждая его подумать над теми или иными философскими вопросами и оценить известные решения. Читая книгу, складывается ощущение общения и участия в обнаружении идеи. Возможно, это особенность именно философского популярного текста, вызывающего к читательской позиции и диалогу с автором. Читатель в некотором смысле идет путем исследователя, воссоздавая процесс философского поиска.

Здесь вспоминается известная проблема популярной науки, показывающая амбивалентность отношений между генерацией научных идей и трансляцией в науке. Она связана с тем, что движение научной идеи от специалистов к неспециалистам, либо к специалистам из других дисциплин зачастую приводит к некоторому упрощению текстов, утрате специальных деталей научного поиска или экспериментов, потере наукой её дискуссионного характера [Медведева 2014]. В книге А.Л. Никифорова наряду с доступностью языка текста не теряется его профессиональная грамотность, сохраняется аргументация и рациональная структура.

Оценивая работу А.Л. Никифорова в целом, следует сказать, что автор поставил перед собой чрезвычайно сложную задачу: рассказать молодому читателю о философии. Но ведь философия в наше время представляет собой почти необозримое поле самых разнообразных исследований, распадающихся на множество специализированных областей. К тому же в отличие от ряда иных наук здесь нет общепринятых

проблем и концепций. Проблемы, интересные и важные с точки зрения одних философов, другим философам могут казаться псевдопроблемами, не заслуживающими внимания. В современной философии имеется огромное разнообразие течений, направлений, школ, представители которых почти не понимают друг друга. Как дать представление читателю об этом многообразии? Автор выделяет наиболее фундаментальные, с его точки зрения, мировоззренческие проблемы и в соответствии с этим разделяет все поле философии на три основных области. Но это его личное представление о философии. Поэтому мы могли бы сказать, что в книге речь идет не о философии вообще, а о философии с точки зрения автора. Возможно, это тоже важный признак научно-популярной литературы. Впрочем, иначе говорить о философии философу не может, в рассказе любого философа о философии всегда найдут выражение его личные вкусы и склонности, его симпатии и антипатии, т.е. это всегда будет в той или иной мере субъективный нарратив.

А.Л. Никифоров часто иллюстрирует свои рассуждения примерами из художественной литературы, фрагментами личного размышления, тем самым прибегая не только к рациональным средствам оформления научных идей, но и к внерациональным его компонентам. В данном случае к ним относятся элементы внутренней речи, метафоры, эмоционально-насыщенные предложения, личностные грамматические конструкции. Таким образом, преодолевается стиль дистанционной коммуникации, где личностный компонент присутствует, но не является определяющим, что соответствует задачам научно-популярного изложения.

Здесь мы соприкасаемся еще с одной проблемой популяризации научной деятельности: проблеме «перевода» ее результатов на язык обыденной коммуникации, доступный большой аудитории. Существует вполне реальная опасность искажения образно-наглядного представления о научном знании, размывания границ собственно науки, возникновения мнения о легкой доступности и процедур научного поиска и его результатов [Псевдонаучное знание 2001, 29]. Среди ученых бытует мнение, что популяризация науки приносит вред, так как создает ложный образ науки. В некотором смысле, это так. Однако есть основания утверждать, что популяризация оказывает на развитие научной коммуникации и положительное влияние. Существуют прямая зависимость, например, публикации научных результатов в прессе и цитируемости в специальных журналах оригинальной статьи. Ученые, читающие популярную прессу, нередко именно из этого источника информации узнают об исследованиях и научной литературе в других областях знания, затем обращаясь к специализированным журналам. Также, без популяризации науки невозможно осуществление гуманитарной экспертизы. Многие научно-технические проекты остаются без должного внимания со стороны публики именно по причине их недостаточной освещаемости в СМИ, хотя могут представлять собой угрозу для общества. Если не обсуждать эти проекты в популярной прессе, не будет и осуществляться их оценка со стороны общественности, что в ряде случаев необходимо.

Книга А.Л. Никифорова — хороший пример научно-популярной литературы. Она удовлетворяет ее основным требованиям или особенностям. Текст доступен для восприятия широкой аудиторией с различными образовательными потребностями, что достигается такими средствами, как последовательность и конкретность изложения, интерпретация теоретического материала, наличие примеров, конкретизирующих и иллюстрирующих абстрактные рассуждения. Мы наблюдаем удачную интеграцию черт, свойственных научной работе и литературному произведению, а именно, выразительное повествование, удачные сравнения, эффект полемики с автором. Занимательность обеспечивается актуализацией эстетических переживаний, творческим мировосприятием автора, авторскими отступлениями. Создана атмосфера непосредственного общения автора с читательской аудиторией через личностный характер текста и его эмоциональные коннотации.

В своем рассказе о философии автор останавливается только на том, что ему самому кажется важным и интересным. О многом он не сказал, но было бы нелепо упрекать его за это. Он представил свое личное видение философии, яркий, увлекательный рассказ о

ней. Книга может быть использована и в учебных целях, тем более что в конце ее приведены определения и истолкования важнейших категорий философии.

В заключение хотелось бы вернуться к роли процесса популяризации науки в обществе. История развития науки и общества показывает, что забота о культурном развитии населения и его образовании вряд ли относится к важнейшим целям государства. Развитие науки обретает свою ценность для государства в большей степени как фактор развития промышленности и укрепления оборонного комплекса. Развитие философии и гуманитарных наук в целом относится скорее к долгосрочным и мало прогнозируемым следствиям такого рода узкой научной политики. Однако поднятие престижа науки в целом влечет за собой прогресс в различных ее сферах, и оно в результате становится мощным культурообразующим фактором.

Когда мы говорим не просто о государстве, а о социальном государстве, ракурс культурной и научной политики меняется. В современном понимании социального государства на первый план выносятся не способ снятия социальной напряженности или защиты малоимущих слоев населения, т.е. классические его цели. Размышляя о будущем Европы и ставя вопрос о конце модели социального государства, Э. Гидденс представляет варианты его обновления в соответствии с особенностями современной социальной системы. Главное в этом процессе – перейти от борьбы с отрицательными проявлениями и рисками к «реализации положительных устремлений», т.е. содействию образованию и профессиональному обучению, выбору активных жизненных позиций, ведению членами общества здоровой и полноценной жизни [Гидденс 2015, 106]. Возвращение человеческого и социального капитала становится ключевой составляющей современного подхода к социальному государству. В этой связи особое значение Э. Гидденс уделяет реформе образовательного процесса, рынка труда, здравоохранения и медицинского страхования. Важным условием и проявлением становления активной жизненной позиции является профессиональная переподготовка и профессиональная мобильность экономически активного населения. [Гидденс 2015, 123].

Социальное государство в его современном звучании включает создание условий и механизмов обеспечения достойной жизни и социальной защиты гражданам, минимизацию социальных рисков, движение политической системы в направлении демократии, гуманизацию образования, отношения к окружающей среде, сохранение культурного наследия, создание условий для самореализации творческого потенциала личности.

Социальное государство переворачивает пирамиду отношений «государство-наука-население», выдвигая другие требования, ставящие человека и его благополучие в центр этих отношений. Развитие науки связывается не только с производительностью, но и с повышением культурного уровня населения. Наука начинает рассматриваться как фактор создания культурного общества. Это согласуется с открывающимися перспективами информационного общества, которое создает новые источники познания, самопознания, творческой самореализации и самопрезентации, делает более доступным соприкосновение людей с опытом предыдущих поколений. Человеку через соответствующие технологии доступны сегодня широкие возможности получения образования и проявления творческих способностей благодаря расширению форм обучения и системы труда, которые в соединении с приоритетами социального государства способствуют созданию новых и лучших форм культурного и общественного жизнеустройства. Пожалуй, здесь высвечивается и особая роль философии, которая вносит уникальный вклад в поддержание интеллектуального публичного пространства – пространства общества, свободного от политической деспотии, закостенелости социальных структур и способствующего развитию человека, его самостоятельному мышлению, ведению диалога и ответственности за свои решения. В этой связи популяризация науки и философии как ее части выполняет важную культуросозидающую функцию, способствуя поднятию общего уровня образования населения, созданию условий для самореализации творческого потенциала личности.

Ссылки – References in Russian

Астахова 2013 – *Астахова А.С.* Публичная репрезентация профессионального сообщества: популяризация науки и общественные дебаты // Эпистемология и философия науки. 2013. №3. С. 179–189.

Ваганов 2016 – *Ваганов А.Г.* Эволюция форм популяризации науки в России: XVIII–XXI вв. // Наука, инновации, образование. 2016. №3 (21). С. 64–77.

Гидденс 2015 – *Гидденс Э.* Неспokoйный и могущественный континент: Что ждет Европу в будущем? М.: Дело, РАНХиГС, 2015.

Медведева 2017 – *Медведева С.М.* От научного творчества к популяризации науки: теоретическая модель научной коммуникации // Социально-психологические проблемы популяризации науки в России и за рубежом. М.: МГИМО, 2017. С. 29–48.

Медведева 2014 – *Медведева С.М.* Российская наука и государство: образ ученого в современном российском кино // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №2. С. 184–192.

Никифоров, 2018 – *Никифоров А.Л.* Философия для любознательных: научно-популярное издание. М.: КноРус, 2018.

Псевдонаучное знание 2001 – *Псевдонаучное знание в современной культуре (материалы «Круглого стола»)* // Вопросы философии. 2001. № 1. С. 3–31.

Флек 1999 – *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс. Дом интеллектуальной книги. 1999.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 6. P. 187–198

As possible the popular philosophy?

Nadezhda A. Kasavina

The article proposes a reflection on the content of a new popular science publication in philosophy, a book by A.L. Nikiforov entitled "Philosophy for the curious". The main philosophical problems obtaining the coverage in the book are: philosophy, its features and categories, types of world view, argumentation theory, being and cognition, man and society, the meaning of life, death and immortality. The book expresses A.L. Nikiforov's original author's philosophical position, uses language accessible for a wide range of readers, and calls for reflection on the most important issues of human existence. The particular role of popular philosophy consists in the endorsement of an intellectual public space - the social environment maintaining human development, independent thinking, engagement in dialogue and responsibility for personal decisions. In this regard, the popularization of science and philosophy as its part plays an important cultural function, contributing to raising the general level of education of the population, creating conditions for self-realization of personality creative potential.

KEY WORDS: scientific communication, popularization of philosophy, popularizing science, popular science publication, worldview, social State.

KASAVINA Nadezhda A. – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

DSc in Philosophy, associate professor, leading research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

kasavina.na@yandex.ru

Received at 17 January, 2019.

Citation: Kasavina Nadezhda A. (2019) 'As possible the popular philosophy?', *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2019) pp. 187–198.

DOI: 10.31857/S004287440005353-3

References

- Astakhova, Anastasia S. (2013) Public representation of the professional community: the popularization of science and public debate, *Epistemology and philosophy of science*, Vol. 3, pp. 179–189 (in Russian).
- Bucchi, Massimiano (2008) 'Of Deficit, Deviations and Dialog: Theories of Public Communication of Science', *Handbook of Public communication of science and technology*, N.Y., Routledge, N.Y., pp. 57–76.
- Callon, Michel (1999) The Role of Lay People in the Production and Dissemination of Scientific Knowledge, *Science, Technology, Society*, Vol. 4, pp. 81–94.
- Flack, Ludvik (1980) *Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache: Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv*, Suhrkamp, Frankfurt am Main (Russian Translation 1999).
- Giddens, Anthony (2014) *Turbulent and Mighty Continent: what Future for Europe?* Gardners Book, London (Russian Translation, 2015).
- Mead M. (1959) Closing the Gap Between Scientists and the Other, *Daedalus*, Vol. 88, pp. 139–146.
- Medvedeva, Svetlana M. (2017) From scientific creativity to the popularization of Science: theoretical model of scientific communication, *Socio-psychological problems of popularization of science in Russia and abroad*. MGIMO, Moscow, pp. 29–48 (in Russian).
- Medvedeva, Svetlana M. (2014) Russian Science and the State: the image of the scientist in the modern Russian cinema, *Herald of the MGIMO-University*. 2014, Vol 2, pp. 184–192 (in Russian).
- Nikiforov, Alexander L. (2018) *Philosophy for the curious: popular science publication*, KNORUS, Moscow (in Russian).
- Quasi-scientific knowledge in contemporary culture ("round table"), *Voprosy Filosofii*, 2001, Vol 1, pp. 3–31 (in Russian).
- Vaganov, Andrey G. (2016) Evolution forms of popularization of science in Russia: 18–21 centuries, *Science, innovation and education*, 2016, Vol 3 (21), pp. 64–77 (in Russian).